

МАЙЯ ГРИН

ЕВА
ОСОБОГО
НАЗНАЧЕНИЯ

Майя Грин

Ева особого назначения

Серия «Брак по расписанию», книга 4

<https://litres.ru/73777539>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они не собирались жениться, но закон требует брак для стабилизации дара — и государство нашло им пару.

Лекс — бывший боевой маг, мечта женщин столицы. Он надеялся договориться: жена живёт отдельно и не лезет в его жизнь.

Ева — сержант в приграничной академии. У неё взвод пацанов, и столичный фронт в её планы точно не вписывался.

Мечта Лекса сбылась. Жена уехала сразу после церемонии. Обернулась на пороге и бросила: «Пока, красавчик. Надеюсь, больше не увидимся!»

Почему он этому не рад? Почему его преследуют её лицо и последние слова?

Что с этим делать?

Конечно, ехать к ней. А там — разберётся.

Он даже не представлял, что из этого выйдет.

Однотомник. Хэппи-энд. Можно читать отдельно от серии.

Содержание

Глава 1. Его несвобода. Её помеха.	4
Глава 2. Цирк и его клоуны.	14
Глава 3. Будни сержанта Громовой.	22
Глава 4. Иллюзия нормы.	31
Глава 5. Флористика для курсантов.	39
Глава 6. Полевая практика.	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Майя Грин

Ева особого назначения

Глава 1. Его несвобода. Её помеха.

Тер Алексей Батин, Лекс.

Это был тот самый нокаутирующий удар, которого не видишь, пока не окажешься на полу. Сопротивляться было поздно и бессмысленно.

Я только что закончил гонять группу первокурсников на полосе препятствий и наслаждался приятной мышечной усталостью. Со студентами-боевиками было поинтереснее, чем с артефакторами – те хлюпики даже десять кругов толком пробежать не могли. Я старался помнить, что деточки учатся на гражданке, а не в приграничной военной академии, которую я когда-то окончил. Вот там было весело.

В дверь спортзала вошли трое. Сзади, перекрывая выход, чётко печатали шаг двое громил в униформе царской гвардии. А впереди семенил дрожащий от страха чиновник в очках. Он вцепился в кожаную папку, как в свой единственный щит. Интересно, нервы не в порядке или моя репутация его так напугала?

– Уважаемый тер Батин, – голос визжал, как затупленная

пила. – Вы... э-э-э... проигнорировали церемонию бракосочетания. Уведомления рассылались царской канцелярией три месяца назад. Каждый маг мужского пола до достижения тридцати двух лет обязан пройти обряд в храме для стабилизации дара...

«Знаю я, чёрт побери!» – яростно пронеслось у меня в голове. Конверт с гербовой печатью приходил. Я тогда возился с новым заклинанием щитовой защиты для третьего курса. Сунул эту дрянь в ящик стола с мыслью «разберусь на днях», но не случилось. Я отлично умею забывать обо всём неприятном.

Теперь «на днях» наступило. Не нашёл себе пару сам – получай ту, что выдало государство. Логика железная: дару нужна стабилизация. Если холост значит это нужно исправить, а твои личные предпочтения – никого не волнуют. Скорее всего, меня ожидала какая-нибудь юная аристократка из обедневшего рода. Богатых невест с сильной магией разбирают ещё в колыбелях. Что ж, даже лучше – будет менее заносчивой.

– ...В случае сопротивления воле Царя, – чиновник, набравшись смелости, повысил голос, пытаюсь придать себе значимости, – вы будете доставлены в храм под стражей и обязаны оплатить штраф в размере...

Его слова долетели до меня сквозь гул собственного раздражения. Пять тысяч... Недельное жалованье старшего инструктора Академии. Мелочь, но сама мысль, что мне при-

дётся платить из-за этой клоунады, вызывала прилив ярости. Где-то глубоко внутри закипал гнев – на систему, на свою забывчивость, на эту унижительную ситуацию.

Я медленно повернулся к нему спиной, демонстративно потянулся, заставив мышцы спины и плеч играть под мокрой майкой. Пусть видит, с кем имеет дело – не с каким-то писарьком.

– Хватит трепаться, – я обернулся и обрезал его ровным, командирским тоном, глядя куда-то в район переносицы. – Не собираюсь драться с царскими гонцами. Это дурной тон. Имейте в виду, в храме в потной тренировочной форме не появлюсь. Нужно съездить переодеться. Или вы хотите, чтобы ваша невеста увидела жениха в таком виде?

Чинуля сглотнул и побледнел. Он, видимо, представил себе гнев высокопоставленных особ из Канцелярии, если церемония будет омрачена «неподобающим видом жениха». Он нервно кивнул громилам, и наш маленький, но впечатляющий кортеж двинулся к выходу. Краем глаза заметил, как у стены застыли, разинув рты, несколько моих студентов. Отличный спектакль, деточки. Записывайте, как не надо планировать личную жизнь.

«Вернусь, проверю, как вы отработали удар», – крикнул студентам на прощание, чтобы не расслаблялись.

Дорога до моего дома заняла минут пятнадцать. Я молчал, глядя в окно магомобилия. Громилы, оказавшиеся на удивление адекватными парнями, тоже не возникали. Чиновник

пытался что-то бубнить про «великую честь» и «служение царю», но я его не слушал. Внутри всё клокотало. Эта принудилка меня злила. Я привык сам принимать решения, сам нести ответственность, а тут – как мальчишку, под конвоем к алтарю. От этой мысли кровь стучала в висках. Я туда совершенно не стремился, но с закон неумолим. К счастью, как строить отношения с женой после свадьбы, он указать не мог.

Дома я не стал тянуть время. Скинул вонючую форму, с наслаждением принял ледяной душ, смывая с себя пот и липкое чувство досады. Для этого радостного мероприятия выбрал классический тёмно-серый костюм. Ткань мягко облегла тело, не стесняя движений. Костюм сидел безупречно, несмотря на рельеф мышц, на который пускали слюни местные академические барышни. Я покрутился перед зеркалом – да, вид приличный. Ёжик тёмных волос вопросов не вызывает, серо-голубые глаза смотрят холодно и безразлично, а внутри – спрессованная ярость, которую удалось засунуть куда-то глубоко – никто не увидит. Жених готов.

Обычно на меня смотрели восхищённо. Наверняка и эта глупышка, которую мне хотели всучить, обомлеет от такой удачи. Ну что ж, сыграем в эту игру на своих условиях. Выделю ей комнату, буду платить содержание, а дальше – живи, как знаешь. Не пересекаться мы точно не сможем, но ограничить общение – запросто. Договоримся не мешать друг другу – проблем не предвидится.

Я привычно прижал ладонь туда, где был шрам на рёбрах – старый подарок от северного боевого мага. Вот где были настоящие проблемы. Там гнев был уместен и выливался в потоки магии. А это... просто небольшая бюрократическая неприятность.

В конце концов, брак – не приговор и не контракт на службе – просто ещё одна бумажка. Не повод отказываться от холостяцкой вольницы. Я в это верил. Почти.

«Ну что, невеста, – мысленно бросил я в лицо своему неизвестному «наказанию». – Поглядим, ради чего меня лишают свободы». Я резко дёрнул душивший меня галстук и вышел из спальни.

– Поехали. Сыграем эту комедию до конца.

Свита двинулась за мной.

Тера Ева Громова.

Почему я до сих пор не замужем? Да не очень-то хотелось. А может дело в горбатом носе и давнем решении накостылять парню, который мне нравился. Не совсем правда, но звучало убедительно. Большинство охотников до чужих секретов это объяснение устраивало.

Насчёт накостылять... Как-то сын соседей, Григорий Герц, забрёл в наш сад и с видом хозяина жизни заявил мне, что сиротку да с таким носом даже из жалости замуж не возь-

мут.

Едва он открыл рот, я поняла мудрость фразы: «Молчанье – золото!» Симпатия испарилась. Осталось только желание поставить на место.

«Ты что ли жалеть собрался, калечный?» – презрительно бросила я.

Он покраснел, как рак, и отступил на шаг. Мой кулак, привыкший к деревянным манекенам, уже чесался дать ему практический урок вежливости. Среди тер нашего круга это сочли бы моветоном, а мне всегда была больше по душе прямота. Зачем тратить слова, когда можно одним точным ударом расставить всё по своим местам?

Вот и родители меня поддерживали. Мама, бывало, вздыхала, глядя на мои разбитые в кровь костяшки, но потом крепко обнимала и шептала: «Я знаю, ты просто не могла иначе. Главное, чтобы ты со своей правдой не осталась одна», а папа тайком подмигивал.

Потом случился гололёд. Экстренное торможение на мосту. Неисправное ограждение. Река. Конец.

Конец моего мира, пахнущего папиными магическими фолиантами и мамиными букетами сушеных полевых цветов. Осталась только пыль на полках и тихий дом, который молчал так громко, что звенело в ушах.

Меня взяла к себе двоюродная бабушка, Римма Марсельевна. Пока выговоришь, язык сломаешь, поэтому я её называла бабушка Римма. Она была не против. Всё-таки род-

ной человек. Бабуля единственная не смотрела на меня с жалостью, а просто ставила на стол тарелку с дымящимся борщом и говорила: «Ешь, солдат. Пока едим – живы».

У бабушки Риммы были кое-какие сбережения. На жизнь хватало, но не на выход в свет. Это стоило очень дорого – придворные балы, драгоценности, платья от столичных кутюрье... Индустрия по продаже невест считала меня бракованным товаром без ценника.

Не было у меня денег. Почти все наши средства папа вложил в «одно очень перспективное предприятие». Даже дом заложил. Сразу после смерти родителей к нам приходил один скользкий тип, пахнувший дорогим табаком. Он сокрушался, заверял в том, что ему очень жаль, но в глаза не смотрел. Лопнуло предприятие. Плакали наши денежки. Я была убеждена, что нас надули, но четырнадцатилетняя девушка и немолодая женщина мало, что могут доказать.

Мы могли бы наняться на какую-нибудь фабрику, но гордость, та самая, что сломала Гришке нос, не позволяла. Гордость и дар, который требовал применения, а не рабского труда. Переехав к бабушке Римме, я задумалась.

Найти жениха среди аристократов не выйдет. Теры предпочитают девушек красивых, да с приданным, со связями.

У меня же ни того, ни другого, ни третьего. Всё портил нос и мое нежелание лепить сладкую улыбочку ради сомнительной чести стать украшением чьей-то гостиной.

И однажды, смотря в потолок своей комнаты, я приняла

решение. Возможно, на него повлияла обида на Гришку, но тогда мне оно казалось единственно верным. Да, собственно, таковым и оказалось.

Если я не вписываюсь в мир рюшечек и сплетен, то и пошёл он лесом. Не очень-то и хотелось.

Меня больше привлекали люди, которые ценят силу, выносливость и умение постоять за себя. Мир, где удар кулака значит куда больше, чем взмахи веером и колкость, сказанная за спиной.

Я поступлю в Военную академию. Там курсанты на полном государственном обеспечении. Меня будут учить, кормить, одевать. Буду жить в общежитии и носить форму. Стану сильной и плевать на нос. Дар подходящий у меня есть – боевая магия, как у папы. Он, наверное, гордился бы мной, а может, и нет, но выбора у меня тоже не было.

Так и сделала – как только исполнилось пятнадцать, подала документы. Бабушка Римма не смогла меня отговорить. Она только вздохнула, погладила меня по волосам – редкое для неё проявление нежности – и сказала: «Смотри, внучка, не сломайся. Наша порода крепкая, но и у стали есть предел».

Как училась – отдельная история, но я заставила однокурсников себя уважать. Пришлось расквасить пару носов и сломать (не всерьез, конечно) руку одному слишком настойчивому ухажеру, прежде чем ко мне начали относиться как к бойцу, а не как к бабочке, случайно залетевшей в их суро-

вый мир мужчин. Вот так-то, мальчики.

После выпуска служила год на границе, получила звание сержанта, отточила навыки в настоящих стычках с контрабандистами и научилась чують опасность за версту.

А недавно руководство родной Академии слёзно просило занять пустующую должность препода по физподготовке и стать куратором первого курса. В письме было что-то про «стойкость духа» и «пример для подражания» – прочитала по диагонали, чтобы уловить суть и решила согласиться. Возвращение в Альма-матер в новом статусе – неплохая возможность посмотреть в глаза тем, кто когда-то сомневался в моём выборе.

И вот сейчас, когда те перваки перешли на второй курс, и в их глазах читалась не влюбленность, а здоровое уважение, смешанное со страхом, меня опять назначили куратором новичков.

Только я приступила к дрессировке, меня выдернули, чтобы уладить формальность со стабилизацией дара – двадцать один стукнуло недавно. Не выбрала «принца» – получите по разнарядке. Не нравится? На склад других не завезли, извиняйте.

Досадно. Такую тренировку сорвали. Я как раз собиралась ввести новый комплекс силовых упражнений, который должен был отделить мужчин от мальчиков. Ладно. Разберусь с этим и свободна. Это просто ещё одно препятствие на полосе. Нужно перепрыгнуть и бежать дальше.

Переодеваться не стала, больно много чести. Кого мне там подобрали? Какого-нибудь аристократика. Манерного хлыща, который даже простую тренировку вряд ли выдержит наравне со мной.

Получу брачную татуировку и разбежимся. Он к своим любовницам, я – дрессировать пацанов. Мои мальчишки куда интереснее, чем любой заносчивый тер, которому папаша купил должность, а моя нынешняя жизнь точно поприятнее, чем у тамошних богатых тер. Просиживать в гостиных, разговаривая о погоде и делясь последними сплетнями – это не для меня.

Я готова. Отправляемся.

Глава 2. Цирк и его клоуны.

Тера Ева Громова.

К письму с тем самым «приглашением», больше смахивающим на ультиматум, прилагались две капсулы для телепортации. Ну хоть за это спасибо царской канцелярии. Конечно, поезда с магическим двигателем ездят быстро, но нет у меня лишних суток на дорогу в оба конца. Всё-таки расстояние не шуточное.

Наша академия вгрызлась в скалы на самой границе с северными землями, где ветер так и норовит стащить с тебя одежду вместе с кожей, а центральный храм приютился в южном городе, в Ростове-на-Дону. Почему именно там?

От старослужащих слышала байку. Нынешней царице во время одного визита так приглянулись местные сады и южный климат, что двор решили пересадить на новую почву. Ну а за царской фамилией потянулись все госслужбы – куда им деваться.

В общем, я отправлялась туда, чтобы царская канцелярия раз и навсегда поставила в моём деле жирную печать: «дар стабилизирован», и отстала с этими проверками. Отчиталась – и свободна. Если я буду постоянно отлучаться по таким идиотским поводам, курсанты совсем разленятся. Они и так на первом курсе думают, что шпагат – это когда шпагой машешь. Не хочу, чтобы безалаберность, взращённая моими

прогулами, когда-нибудь стоила им жизни на границе. Виновата в этом буду я. Моя совесть такого не простит.

Ладно. Хватит лирики. Дело сделано – и забыто. Раздавила одну из капсул переноса в ладони. Тонкое стекло поддалось с тихим хрустом. Краткий миг не самых приятных ощущений, примерно как после пропущенного удара в челюсть, и я на месте.

Площадь перед главным храмом государства Российского – мой пункт назначения. Величественно, ничего не скажешь. Мрамор так и лоснится на солнце, фонтаны бьют, голуби жирные вальяжно расхаживают. И пахнет не потом, а дорогими духами и выпечкой. Прямо как на открытке. Только я здесь, как грязь на парадном мундире.

Зашла внутрь. Прохлада, гулкие своды и запах ладана, от которого почему-то щемит в груди.

Взгляд сам по себе, по привычке, начал тактическую оценку. Высокие колонны – хорошие укрытия, плюс можно забраться на карниз магу-снайперу. Слишком много мрамора – плохо. Осколки при попадании будут лететь смертоносные. Пространство центрального нефа простреливается насквозь – для обороны не годится, только для засады или быстрого прорыва. Главные входы – очевидная ловушка, а вот те узкие арки в стенах, вероятно, ведут в служебные помещения или к черным ходам. Надо запомнить. Широкие лестницы. Неудобно, при штурме ноги подводят, спотыкаешься о ступеньки. И слишком много витражей. Красиво, да, но одна

шальная боевая сфера – и вместо окон будет дождь из цветного стекла. Поверьте, не лучшая погода.

На меня косились с брезгливой опаской – как на боевую собаку в парадной зале: вроде и своя, а погладить рука не поднимается. Наверное, «свадебное платье» не понравилось. Плевать. Пусть смотрят на мою поношенную форму, чем я буду красоваться в шелках, чувствуя себя переодетой обезьяной.

Пришла, стою, оглядываюсь – ищу в этой толпе нарядных павлинов своего «суженого». Должен же он как-то выделяться, раз уж его Величество лично свёл нас вместе. Подбегает ко мне взъерошенная девочка-служка, вся в бантиках, и лепечет про «непредвиденную задержку» и «не угодно ли чашечку кофе».

Чай. Ненавижу кофе – от него в горле першит, а голова тяжелая, как после ночного дозора.

А жених – тот ещё свинья. Даже вовремя явиться не соизволил. Отлично начинает наш «счастливый союз». Я тут время теряю, а он, небось, ещё пятки чешет перед зеркалом. Дурак.

Лекс.

Дорога до храма прошла в молчании. Слишком быстро, чтобы я успел успокоиться и смириться. Магомобиль, гро-

милы, трясущийся чинуля – весь этот цирк никуда не делся, как бы мне этого ни хотелось. Сказал же, что не побегу. Видимо, у них приказ доставить меня до места. Жалко пацанов – работа у них идиотская.

Храм, как и ожидалось, лоснился от помпезности и золота. Толпа разряженных болванов, улыбки до ушей, пустые глаза. Все эти светские ритуалы всегда напоминали мне подготовку к параду – много шума, блеска, а сути ноль. Я прошёл сквозь толпу, не задерживая взгляда. Где-то здесь должна была торчать моя «счастливица», вероятно строя из себя скромницу и планируя как получше использовать мой бюджет.

Внутри нас перехватила какая-то нервная дамочка, чуть не сияя от облегчения, что жених не сбежал в последний момент. «Тер Батин, пройдите сюда. Ваша очередь.»

Каждый шаг давался с трудом. Словно на эшафот.

Зал для обряда оказался погружен в полумрак. Умно. Лучше не видеть лицо того, с кем тебя спутывают навеки. Рядом возникла тень – невеста. Рассмотреть что-либо было невозможно, да мне и не хотелось.

Служитель быстрым движением защелкнул на запястье холодный металл брачных браслетов. Замочки исчезли с тихим щелчком. Помолвка. Великий момент.

Сам обряд пролетел мимо меня. Голос служителя был монотонным, как гудение магического двигателя. Я отключился, уйдя в себя, в ту самую спрессованную ярость, которая

никуда не делась.

Выдернула меня обратно лишь ослепительная вспышка и звон, от которого заложило уши. Браслет испарился, а на коже остался причудливый узор – та самая царская печать на моей несвободе. Зато за дар можно больше не опасаться.

«Магия благословила ваш союз. Ваши дети будут очень сильными магами», – прошептал служитель и растворился в темноте. Дети? Отлично. Подрастут – будет у нас команда. Мечта, а не жизнь.

Нас вывели не в общий зал, а в небольшую, ярко освещённую комнату. Для «первых мгновений новой жизни наедине». Очередная слащавая традиция, рассчитанная на влюбленных болванов.

И вот тогда, при ярком свете, я наконец разглядел ту, что получил по разрядке от государства.

Передо мной стояла не изнеженная аристократка, не бледный дрожащий цветочек. Это была женщина в камуфляже, с плечами бойца и стойкой, говорящей о привычке к рукопашной. На ногах – грубые военные берцы на толстой подошве. Лицо... симпатичное, с сильными чертами и лёгкой горбинкой на носу, глаза серые, жесткие, темно-русые волосы скручены в удобный пучок на затылке.

Наши взгляды встретились. Я не увидел ни страха, ни интереса, ни признания – ничего. Её взгляд скользнул по моей фигуре в дорогом костюме с таким скучающим, отстранённым безразличием, будто она смотрела на стену.

«Привет, красавчик. Хорошо, что мы разобрались с этой проблемой. Надеюсь, больше не увидимся. Ну мне пора. Пока!»

Мимолётно отметил: голос – грудной, низкий, приятный. Она развернулась и вышла. Четкий стук берцов по мрамору коридора, хлопок двери вдалеке. Быстро. Эффективно. Без лишних слов.

Я остался стоять один, как дурак. В этой ярко освещённой комнате. Зашибись. Вот это начало семейной жизни!

Гнев куда-то ушел. Испарился. Его место заняла оглушительная, полная растерянность.

Это же именно то, чего я хотел, да? Чтобы меня не дергали, чтобы жить отдельно, чтобы не мешала. Она всего лишь... опередила меня. Озвучила мой план. Так почему же это так задело?

Я машинально потёр пальцами проявившийся на запястье брачный узор. Как так случилось, что я... неинтересен? Я понял, что для неё брак – формальность, пункт в её списке дел, который можно вычеркнуть и забыть.

Всю дорогу готовился к сопротивлению, к переговорам, к возможной борьбе за свой покой. Я был готов к войне, а она просто капитулировала. Нет, даже не так – она не стала занимать территорию, которую я так яростно собирался оборонять. Прочла мимо, даже не заметив моих укреплений.

Это било по самолюбию. Глупо, но я привык, что на меня смотрят – с восхищением, страхом, ненавистью, но чтобы

вот так... с полным, искренним безразличием? Никогда.

Всё пошло не так, как я планировал. Как теперь с этим быть, ещё не понял.

Медленно повернулся и вышел из комнаты. В голове стучал один-единственный вопрос, на который у меня не было ответа.

«И как меня угораздило?»

Тера Ева Батина (в девичестве – Громова).

Ну, вот и всё. Брачная татуировка получена, дар стабилизирован. Отчиталась – и свободна.

Обряд. Браслеты. Вспышки. Если верить романам, должна была почувствовать трепет, искорки – хоть что-то. Врут книжки – ничего не было. Как и ожидалось.

«Дети будут сильными магами». Какие дети? У меня на плацу двадцать «детей», которые без меня пропадут. Вот моя реальность и мой главный долг.

При свете наконец разглядела мужа. Да... Красивый. Одет с иголочки, костюм дорогой, фигура спортивная... Военный, чувствуется. В прошлом. Сейчас от него пахнет только самовлюбленностью и деньгами. Привык на гражданке, что девушки тают от одного взгляда. Помани – любая побежит, а уж про храм и говорить не стоит.

Короче, не моя тема. Чистейшее недоумение на его лице доставило мне истинное наслаждение.

Ждал, что я буду лежать у твоих ног? Нет, милый мой, нет. Не дождешься.

Такого «счастья» мне не нужно. У меня есть работа, которая имеет значение.

Пока, красавчик. Мне пора.

Я развернулась и вышла, четко отбивая шаг берцами. Спину сверлил полный растерянности взгляд. И пусть. Сыграла свою роль в этом фарсе и свободна. Никаких ожиданий, никаких претензий. Он мне даже должен быть благодарен. Столько нервов мужику сэкономлю.

Глава 3. Будни сержанта Громовой.

Тера Ева Батина.

Казарменный подъём в пятом часу был благословением. Никаких тебе томных взглядов, шёпота за спиной или необходимости поддерживать светскую беседу. Только холодный гранитный пол под босыми ногами, резкий предрассветный воздух, врывающийся в распахнутое окно, и сонное бормотание дежурного с нижнего этажа. Мой мир. Чёткий, простой и предсказуемый. Я никому не стала говорить о смене фамилии. Это моё дело. Для всех я по-прежнему сержант Громова. И точка.

Пока курсанты с трудом отлипали от коек под оглушительную трель дудки сержанта Иванова, я уже была на плацу. Вторая кружка крепкого чая согрела изнутри, разгоняя последние остатки дремоты. Не кофе. Никогда не пью кофе. Чай – напиток солдата. Бодрит, не дёргая нервы.

Новый комплекс. Наконец-то. Сегодня день икс.

К шести утра первый взвод уже стоял передо мной, выстроившись в ровную шеренгу. Лица бледные, под глазами синяки от недосыпа, но спины выпрямились, едва мой взгляд скользнул по строю. Виден прогресс. Мышечная масса начинает нарастать, движения стали собраннее, исчезла детская размашистость, но этого мало. На границе их не будут жалеть.

– Кто объяснит, – ровным голосом задала я вопрос, – для чего боевому магу, способному вызывать огненные шторма, уметь подтягиваться?

В строю повисла напряжённая тишина. Один смельчак, рослый парень с упрямым подбородком, рискнул выкрикнуть:

– Для общего развития, товарищ сержант!

Глупый ответ. Я подошла к нему почти вплотную. Он сглотнул, но взгляд не отвел. Молодец.

– Для того, – сказала я, глядя ему прямо в глаза, – чтобы когда проклятый северный ветер выдует из тебя всю магию, как из дырявого мешка, и замёрзшие пальцы не будут слушаться, ты мог на одних руках удержаться на карнизе, пока вражеский патруль не пройдёт под тобой. Понял?

– Так точно! – в его глазах мелькнуло понимание. Хорошо.

– Сегодня, – объявила я, поворачиваясь ко всему строю, – мы будем учиться не умирать. Разминка. Десять кругов. Бегом!

Они рванули с места, тяжёлые берцы застучали по утоптанной земле. Я наблюдала, заложив руки за спину. Дыхание у большинства сбилось уже на третьем круге – слабо – но они бежали, зная, что отстающих ждёт дополнительная, ещё более изматывающая нагрузка. Я никогда не ору. Это бесполезно.

После разминки – новый комплекс. Я вывела их на спе-

циально подготовленный участок полосы препятствий. Грузовые манекены из мешков с песком, весом от пятидесяти килограмм.

– Задача – переместить груз из точки А в точку Б. Магию не применять. Только мышцы и голова. Время ограничено.

Они смотрели на мешки с недоумением, почти с обидой. Они – маги, элита, а тут – носилки, волокуши, работа в паре. Первые попытки были комичными и беспомощными. Двое пытались поднять манекен за несговорчивые «конечности», роняли его, чуть не придавив себе ноги.

Я не вмешивалась. Скоро они начали соображать. Один крикнул: «Так, давай схему! Ты – левый угол, я – правый. Сзади подталкивай!» Я усмехнулась. Растут.

Потом был рукопашный бой. Отработка сценария «магия истощена, враг близко». Я прошла между парами, скользя, как тень. Одному поправила стойку, легонько ткнув ногой в подкашивающееся колено. Другому показала короткий, жёсткий захват, чтобы выбить оружие. Мои движения были экономны и точны. Я не демонстрировала свою силу – преподавала урок эффективности.

Когда уставшие, промокшие от пота и грязи курсанты уже едва стояли на ногах, дала команду «Вольно». Они, тяжело дыша, рухнули на землю.

– Завтра, – сказала я, и все двадцать пар глаз уставились на меня, – будет сложнее. Ваш противник не будет ждать, пока вы восстановите силы. Сейчас – на растяжку и в столо-

вую. Сержант Иванов, проследите, чтобы все поели. Мясо и гречка. Не давайте им налегать на сладкое.

Иванов, старый служака, с лицом, высеченным из гранита, кивнул. Он понимал. Забота о подчинённых – это не сюсюканье, это обеспечение боеготовности вверенного тебе подразделения.

Пока они ковыляли к казармам, я осталась на плацу. Подошла к тому самому манекену, с которым они так долго возились. Взяла его одной рукой, примерилась, и рывком закинула себе на плечо. Песок затрещал внутри мешковины. Вес был приятно знакомым. Пронесла его до конца полосы, бросила на место. Мышцы ответно гудели, но это была приятная усталость. Та, после которой спится крепко и не снятся глупые лица с недоумением из позавчерашнего храма.

Я смахнула со лба прядь волос, выбившуюся из тугого пучка. Ветер с границы принёс запах хвои и влажной земли. Здесь я была на своём месте. Здесь всё просто: ты либо силен, либо мёртв. Либо учишь их выживать, либо хоронишь.

«Главное, чтобы ты своей правдой не осталась одна». Мамин шёпот отозвался в памяти эхом.

Я посмотрела вслед моим устало плетущимся «мальчишкам». Нет, мама. Одна я не осталась. У меня есть двадцать причин просыпаться в пятом часу и быть заразой-инструктором. Это куда лучше, чем любое «счастье» из царской канцелярии.

Курсанты.

После изматывающей тренировки, когда взвод, обливаясь потом, брел к душевым, двое самых догадливых курсантов, Петров и Селезнёв, притормозили.

– Слышал, – шепотом начал Петров, оглядываясь на удаляющуюся спину инструктора, – она позавчера уезжала. На целый день. Говорят, в столицу.

– И что? – буркнул Селезнёв, вытирая лицо рукавом гимнастёрки. – У всех бывают дела.

– Дела... – усмехнулся Петров. – Мой двоюродный брат служит в канцелярии. Так вот, он говорит, что в тот день как раз была массовая церемония по той самой... программе. Стабилизация дара, всё такое. И она была в списке. Он видел.

Селезнёв замер. До него постепенно доходил смысл сказанного.

– Ты хочешь сказать, что сержант Громова... – он не решился договорить.

– Ага. Она теперь... замужем. – Петров выдохнул это слово с почти суеверным ужасом.

Они молча представили себе человека, который смог стать мужем их инструктора. Воображение рисовало то гору мышц с лицом гориллы, то древнего мага-отшельника с седой бородой до пояса.

– Кому она нужна? – наконец выдавил Селезнёв. – Она же тебя с одного удара...

– А ты подумай! – шикнул Петров. – Её же не спросили. Вызвали указом, как и всех. Просто... – он снова оглянулся, – представь, какой силой должен обладать маг, чтобы его ей в мужья назначили. Чтобы они друг друга стабилизировали.

Оба замолчали, осознавая масштаб. Если тера Громова – это сила природы, то её муж... это должно быть нечто сопоставимое. Стихия. Катастрофа. И он мог появиться тут, на их голову? Они сдохнут.

В этот момент из-за угла казармы появилась тень. Курсанты вздрогнули.

Тера Громова стояла и смотрела на них. Она не ушла и всё слышала. В её серых глазах не было гнева, только холодная тяжесть.

– Курсант Петров. Курсант Селезнёв.

Негромкий голос показался им раскатом грома.

– Похоже, энергия у вас ещё осталась, раз хватает сил на сплетни. Отлично. Дополнительные двадцать кругов с полной выкладкой. Бегом. Пока не отвалятся ноги. Может быть, тогда ваши мозги перестанут заниматься ерундой и сосредоточатся на выживании.

– Так точно, товарищ сержант! – выдохнули они хором и рванули к полосе, не чувствуя под собой ног.

Ева проводила их взглядом. Ни капли смущения, ни тени сомнения. Только лёгкое раздражение. Её личная жизнь не

касалась никого, особенно этих пацанов. Её дело – делать из них солдат, а не обсуждать царские указы.

Ева повернулась и пошла в сторону своего кабинета, мысленно составляя новый, ещё более изощрённый комплекс упражнений. Если у них есть время на глупости, значит, она их недостаточно нагружает.

Брак был её личным делом и проблемой того недотёпы в столице. Здесь же, на плацу, существовали только она, ветер с границы и двадцать курсантов, которых она обязана была уберечь от смерти. Всё остальное было белым шумом, который можно игнорировать.

Ева.

Когда дверь моей служебной комнаты в казарме закрывается на замок, сержант Громова перестаёт существовать. Остаюсь просто я – Ева.

Комната довольно аскетичная, но мне нравится. Идеально застеленная койка, аккуратно развешенная форма, стол с докладными, но есть здесь и вещи, не имеющие отношения к службе. Никто не видит, как я, смыв пот и грязь, завариваю чай – ромашковый, с мёдом. Достаю старую потёртую жестянку из-под леденцов, сажусь на край кровати и открываю. Внутри – мои сокровища.

Выцветшая фотография родителей, где они смеются, обнявшись. Я ставлю её на тумбочку, всего на пару минут, пока пью свой травяной чай.

Записочка от бабушки Риммы, написанная корявым почерком: «Евонька, не гонись за силой, гонись за правдой. А сила сама тебя догонит». Я знаю эти слова наизусть, но каждый вечер перечитываю.

Засушенные цветки лаванды. Мама выращивала. Столько лет прошло, а для меня эти цветы всё ещё пахнут мамой.

Маленькая коробочка. Там лежат серёжки-гвоздики с крошкой магического искрита – подарок бабушки Риммы на шестнадцатилетие. Я почти не надеваю их, но иногда достаю. Они лежат на моей ладони, холодные и прекрасные, напоминая о том, что где-то глубоко внутри меня есть девушка, которая могла бы носить платья.

Я не позволяю себе задерживаться здесь надолго. Пятьдесят минут тишины, вкус тёплого чая, прикосновение к памяти – и жестяная коробочка с щелчком закрывается, возвращаясь в своё укрытие. А я снова превращаюсь в сержанта Громову.

Эти минуты – моя главная тайна. Не брак, не фамилия, а вот эта коробка, в которой хранятся милые сердцу вещицы. Только это и позволяет мне оставаться сержантом Громовой, которую так боятся курсанты.

Глава 4. Иллюзия нормы.

Тер Батин.

Возвращение в Академию магических наук после храма напоминало отступление после неудачной разведки. Ты цел, формально миссия выполнена, но внутри всё перевернуто и горит от унижительного осознания провала, которого не должно было случиться. Я вышел из казённого магомобиля у ворот, кивнув своим молчаливым «проводникам». Они уехали, а я замер на мгновение, втягивая в лёгкие знакомый запах скошенной травы, магической пыли и вечного камня старинных зданий. Мой мир. Предсказуемый, структурированный, подконтрольный.

Первый и главный пункт – спортзал. Студенты не должны были видеть ни тени сомнений, только железную уверенность, граничащую с безразличием. Это было моей лучшей бронёй.

«Вернусь, проверю, как вы отработали удар». Мои же слова, брошенные на прощание, стали маяком. Хорошо. Хотя бы здесь всё останется по-моему.

Зал встретил меня звоном дерева и сдавленными возгласами. Первокурсники, мокрые от пота, всё ещё лупили по манекенам. Увидев меня, они застыли, как вкопанные, в немой позе приветствия.

– Вольно, – отрубил я, скидывая пиджак на ближайшую

скамью. Плечи сами собой расправились, спина выпрямилась – отработанная годами командирская выправка. – Показывайте, чего достигли за время моего отсутствия. В парах. Боевые комбинации.

Они засуетились, но быстро нашли пары. Я прошёлся между ними, холодным, оценивающим взглядом сканируя каждое движение. Техника была неровной, но виден был прогресс. Перспектива моего возвращения сработала отлично.

– Колено, Фёдоров! Деточка, ты что, танцуешь? Это удар на поражение, а не реверанс! – мой голос жёстко прокатился по залу. – Ещё раз. И пока не получится, не отходим.

Студент покраснел, но собрался и выполнил приём почти безупречно. Я кивнул, уже переведя взгляд на следующую пару.

Эта работа – физическая, конкретная, требующая полного погружения – была глотком чистого воздуха. Здесь не было места мыслям о храме, о её взгляде, о том, как легко она вычеркнула меня из своего уравнения. Здесь был только я, мои знания и двадцать парней, которые должны были научиться выживать. Хоть и гражданская академия, но всё-таки... Здесь я был богом.

Занятие длилось ещё час. Я ловил себя на том, что вкладывался в него даже больше обычного, будто пытался доказать самому себе, что эта реальность – настоящая, а та, с браслетом и безразличной терой в камуфляже – всего лишь

дурной сон. Когда прозвенел звонок, и студенты, выдохшиеся, но довольные, поплелись к душам, ко мне подошёл староста.

– Тер Батин, вас просил зайти тер ректор. После занятий.

Рома. Естественно. Кому ещё было дело до моих личных дел? Коротко кивнул: «Понял».

Спортзал опустел. Я остался один среди тишины, нарушаемой лишь гулом вентиляции. Приятная мышечная усталость гудела в теле. Под ней, в самой глубине, сидело неприятное, ноющее чувство – будто обвели вокруг пальца, а ты даже не успел понять правила игры.

«Привет, красавчик. Надеюсь, больше не увидимся».

Я резко опустил рукав рубашки, закрывая тёмный узор на запястье. Идиотка. Пусть себе так и думает. У неё своя игра в солдатики на краю света, у меня – реальная работа здесь. Идеальный расклад – именно тот, которого я хотел. И даже без боя.

Дорога до кабинета тера Берёзкина заняла несколько минут. Дверь была приоткрыта. Я стукнул для порядка пару раз и вошёл.

Рома сидел за своим вечно захлавленным столом, но не работал. Он откинулся в кресле, заложив руки за голову, и его взгляд, острый и насмешливый, встретил меня у самого порога.

– Ну что, дружище, – протянул он с той самой ухмылкой, которая всегда предвещала неудобные вопросы, – и тебя

окольцевали? Присаживайся. Терпеть не могу задирать голову.

Я тяжело опустился в кресло напротив, приняв такую же небрежную, слегка вызывающую позу. *Покажи, что всё под контролем. Покажи, что тебе плевать.*

– Бюрократия. Стабилизация дара. Ничего интересного.

– Да? – Рома приподнял бровь. Его глаза, скользнули по моему лицу, на мгновение задержавшись на манжете. – А почему тогда от тебя так и веет благородной яростью? Давай, знакомь с дамой. Где она, твоя новая хозяйка? Уже переезжает?

Внутри всё сжалось в тугой, холодный комок. Именно этих расспросов я и хотел избежать.

– Никуда она не переезжает, – ответил я, стараясь, чтобы голос звучал раздражённо-скучающе. – Ей тут, в столице, делать нечего. Она – сержант. Уехала на границу сразу после церемонии.

Пауза, которая повисла в кабинете, была густой и неловкой.

– Сразу? – переспросил Рома, и в его тоне проскользнуло нечто, отчего мне захотелось встать и выйти. Не насмешка. Слишком глубокое понимание. – И как ты воспринял такой стремительный отъезд?

– Нормально воспринял! – взорвался я. Голос прозвучал резче, громче, почти на грани, за которой обычно следовал разряд магии. Я видел, как Рома слегка приподнялся в крес-

ле, но его улыбка не дрогнула. – Она там нужнее, я – здесь. Всё схвачено. Не учи Батю, деточка!

Последняя фраза вырвалась с той самой ядовитой интонацией, которой я обрывал зарвавшихся студентов. Рома перестал ухмыляться, смотрел на меня – внимательно, по-дружески.

– Понятно, – сказал он наконец, просто. – Значит, так. Ну что ж, значит, женатый мужчина. Поздравляю. Может, ещё пересечётесь когда по делам службы.

– Не пересечёмся, – буркнул я, уже ругая себя за эту вспышку, но отступать было некуда. – Мы не будем мешать друг другу. Идеально. Хоть останут дурочки, которые проходу не давали. С этим аргументом не поспоришь.

Я задрал рукав и показал брачную татуировку.

– Ага, идеально, – протянул Рома, снова разваливаясь в кресле. – Ну что ж, тогда вдвойне надо отметить. Мужской компанией. Как-нибудь на неделе.

– Обязательно, – я поднялся. Разговор был исчерпан, он начинал давить. – Если всё...

– Да, иди, иди. Вижу, ты на взводе. Завтра на лекции почитам – не проспи.

Я вышел, аккуратно притворив дверь. В прохладном коридоре сделал глубокий вдох. Сердце отбивало чёткий, быстрый ритм. Чёрт! Чёрт его побери! Он всё понял. Он всегда всё понимал с полуслова – лучший друг.

Весь оставшийся день я провёл в гиперфокусе. Проверил

работы второкурсников по магической тактике, устроил внеплановую контрольную по теории барьерных полей, задержался в библиотеке, подбирая материал для новой практики. Надо было заполнить время до краёв. Чтобы не оставалось ни секунды на ту самую, предательскую тишину, в которой всплывали ненужные детали: чёткий стук берцов по мрамору, низкий грудной голос, сказавший «Пока», спина, скрывшаяся в дверном проёме без единого взгляда на мужа, оставшегося позади.

Квартира вечером встретила меня гулкой пустотой. Просторные комнаты, дорогая мебель, идеальная чистота – всё кричало о порядке, который я выстроил здесь. И о полном отсутствии жизни. Я прошёл на кухню, налил виски. Выпил залпом, почувствовав, как огненная дорожка спускается вглубь, но не приносит тепла. Зря пил, не помогает это.

«Надеюсь, больше не увидимся».

И я надеялся на то же самое. Искренне. Так почему же эта фраза отдавалась сейчас не облегчением, а глухим, назойливым эхом, будто вызов, который невозможно принять?

Я отшвырнул стакан в раковину. Звон разбитого стекла прозвучал дико громко в тишине. Прекрасно. Просто прекрасно.

На следующее утро я встал раньше будильника. Надел свой лучший, идеально сидящий костюм. Тщательно выбрал галстук. Вообще-то, я предпочитал берцы, майку и свободные штаны с множеством карманов, но это не практику. А

на лекции преподаватель должен был одеваться иначе.

Зеркало благосклонно улыбнулось: успешный, уверенный в себе тер, преподаватель элитной академии, мастер своего дела. Ни тени сомнения, ни намёка на ту ноющую досаду, что сидела где-то под рёбрами.

Лекция для третьего курса по продвинутому щитостроению прошла на ура. Я демонстрировал сложные многослойные барьеры, ловил восхищённые и немного испуганные взгляды студентов, четко отвечал на вопросы. Это был мой театр, и я безупречно играл главную роль.

После пар ко мне подошла пара студентов уточнить детали по проекту. Я объяснил, подробно, терпеливо (насколько это вообще было в моих силах). Они благодарили, в глазах – неподдельное уважение. Вот оно, настоящее. Вот чем нужно дорожить.

И только глубоким вечером, оставшись один в своём кабинете, глядя, как последние алые лучи заката догорают на позолоте корешков в книжном шкафу, я позволил маске на мгновение дрогнуть. Не злость. Не ярость. Пустота. Странная, нелогичная пустота, будто из картины мира вынули какой-то элемент, о важности которого я даже не подозревал, и теперь всё смотрелось чуть криво.

Я откинулся на спинку кресла, закрыл глаза. Рома будет приставать с той самой «мужской вечеринкой». Придётся отбиваться. Не хочу. А она... пусть гоняет своих пацанов по лесам. Я ей не нужен? Да и она мне тоже без надобности. Не

буду к ней лезть. Честное слово.

Я потянулся к стопке недоделанных конспектов. Бумажная работа. Как я это ненавидел, но сегодня был рад даже бумажкам. Работа никогда не подводила, не предавала и не смотрела на меня, как на пустое место. Она была моей территорией, которую никто и никогда не занимал без моего разрешения. И этой территории мне пока вполне хватало.

По крайней мере, я очень старался верить в это.

Глава 5. Флористика для курсантов.

Тера Ева Батина

Слово «завтра» настало с той же неумолимой пунктуальностью, с какой сержант Иванов дудел в свою дудку. Пятый час, гранитный пол, предрассветная мгла. Всё как всегда. Вот только сегодня в воздухе висело не просто ожидание тяжёлого дня, а смутное предчувствие беды. Они уже знали: если Громова сказала «сложнее», так оно и будет.

Петров и Селезнёв, бледные и до сих пор не отошедшие от вчерашних двадцати кругов, стояли в строю, стараясь не встречаться со мной глазами. Хорошо. Пусть боятся. Страх – отличный катализатор для работы мозга.

– Вольно, – раздался мой голос, когда взвод выстроился.

Они осторожно расслабились, но глазами ловили каждое моё движение. Умницы. Уже научились.

– Вчера вы работали с воображаемым противником, – начала я, медленно прохаживаясь перед шеренгой. – Сегодня он станет немного реальнее. Комплекс «Тень». Бег с уклоном, перемещение по-пластунски под навесными сетками, перенос «раненого» – того самого манекена – на тридцать метров. Всё это – под прицелом водяных струй из шлангов. Промокнете до нитки, замёрзнете, но если остановитесь –

это смерть. Понятно?

– Так точно, товарищ сержант! – прозвучало чуть менее уверенно, чем вчера.

– Приступили.

Плац превратился в адскую кашу из грязи, ледяной воды и задыхающихся тел. Струи били в лица, сбивая дыхание, заливая глаза. Манекены, отяжелевшие от влаги, выскользывали из онемевших пальцев, но я видела, как вчерашние уроки начали работать. Они уже не пытались тащить груз в одиночку, а сразу искали пару, вырабатывали тактику. Крики «Держи!», «Тащи!», «Подставь спину!» были теперь не паническими, а командными. Растут.

После «Тени», когда они, синие от холода, едва переводили дух, я снова построила их.

– Отдышаться! – скомандовала я, давая им полминуты на то, чтобы перестать трястись. Потом сделала паузу для драматизма. – Я довольна вашим прогрессом.

В строю пронёсся недоуменный вздох. Они не поверили своим ушам.

– А теперь – радостная новость, – голос мой прозвучал почти светло, и это их встревожило. Умнеют на глазах. – Командование, отмечая ваши успехи, назначило на конец октября итоговые полевые учения.

В строю воцарилась мёртвая тишина. Только ветер с границы свистел в ушах.

– Район – пограничные леса, северный сектор. Задача –

трёхдневный автономный переход из точки «Альфа» в точку «Омега» с выполнением тактических заданий. Полная выкладка, пайки на трое суток, карта, компас. Магия – только в случае непосредственного контакта с условным противником. Который, – я сделала ещё одну паузу, – будет представлен курсантами третьего курса с приказом «взять в плен» любыми средствами.

Восторг от похвалы сменился ужасом. Северный сектор в октябре – это не просто холод. Это пронизывающая влага, ночные заморозки и промозглый ветер, от которого не спрячешься. А третий курс... это уже почти дикие звери, которые мечтают потрепать новичков.

– Вопросы? – спросила я.

Тот самый смельчак с упрямым подбородком, кажется, его фамилия Новиков, неуверенно поднял руку.

– Товарищ сержант... а Вы... с нами?

В его голосе была такая детская, невысказанная надежда, что у меня на мгновение сжалось внутри, но лицо осталось непроницаемым.

– Моя задача – подготовить вас так, чтобы вы дошли до точки «Омега» без моей помощи. На учениях вы будете предоставлены сами себе. Ваши ошибки – ваш опыт. Ваши победы – ваша заслуга.

Я увидела, как по их лицам пробежала тень разочарования и страха. И в этот момент дала им единственную крупинку надежды.

– Но если я увижу, что кто-то из вас преднамеренно и без необходимости рискует жизнью товарища... я лично приду и разберусь. Понятно?

– Так точно! – гаркнул хор курсантов. В их глазах зажёгся огонёк азарта. – Прекрасно. А теперь – на стрельбище. Нам нужно отработать меткость с мокрыми, замёрзшими пальцами. Бегом!

Они рванули, уже не так тяжело, как вчера. Теперь у них была цель. Дата. Имя врага. И уверенность, что их суровая, но справедливая «мамочка» не даст их съесть по-настоящему. Хотя они и должны были справиться сами.

Я посмотрела им вслед. Октябрь. Северный сектор. Да, будет сложно. Некоторые, возможно, не дойдут. На них буду составлять рапорт о переводе на более спокойные направления – частная охрана, полиция. Те, кто дойдут, перестанут быть мальчишками. Они станут солдатами. И мне за них будет спокойнее. В этом и был смысл.

Тера Ева.

Октябрь наступал не по календарю, а по градусу напряжения в учебном корпусе. Стоило мне объявить о предстоящих учениях, как первый взвод превратился в сгусток целенаправленной энергии. Теперь они не просто выполняли упражнения – они отработывали каждое движение, впитывали каждое слово, как будто от этого зависела их жизнь. Что,

в общем-то, так и было.

Но там, где есть страх и напряжение, всегда находится место и глупости. Особенно когда к процессу подключаются старшекурсники.

Зашла я как-то в тир и застала картину: мой Новиков, сосредоточенно целился, а двое усатых третьекурсников, этиких боёвых котов, восседали на ящиках с патронами и вели душевную беседу.

– ...и вот, пацан, совет от сердца, – с важным видом вещал один из них, с шрамом через бровь. – Подходишь к ней перед зачётом, вручаешь букетик. Астр... там, или ромашек. Только розы лучше не бери. Говоришь: «Товарищ сержант, от взвода благодарных курсантов». И всё. Она смягчится, поверь мне. Мы проверяли.

Второй старшекурсник, пряча довольную ухмылку, делал вид, что кашляет. Новиков слушал с наивным, глупым интересом.

Я кашлянула. Тишина в тире стала оглушительной. Старшекурсники вскочили, вытянувшись в струнку.

– Товарищ сержант!

– Вы свои мишени отбили? – спросила я ровным тоном.

– Так точно! Просто делились опытом с младшими товарищами!

– Опыт по части флористики – это очень ценно, – сказала я, и оба «кота» побледнели. – Раз у вас столько свободного времени и педагогического рвения, научите первокурс-

ников чистить карабины. Задача: вычистить все карабины в оружейной. Без магии, чтобы блестели. Бегом. За результат отвечаете лично.

Они смылись так быстро, что подняли ветер. Я посмотрела на Новикова. Он стоял, красный, как маков цвет.

– Курсант Новиков, вы, я смотрю, интересуетесь ботаникой?

– Никак нет, товарищ сержант! – выпалил он.

– Это радует. Потому что если я увижу в ваших руках хоть один одуванчик, мы с Вами будем изучать флору северного сектора на практике. И Вы будете мне рассказывать о каждом цветочке. Понятно?

– Так точно! – в его глазах читался неподдельный ужас.

– Кстати, перед выездом будет не лишним это изучить, – вслух подумала я.

Развернулась и ушла, поймав себя на том, что уголок рта снова предательски дёргался. Эти умники, два года назад, так и сделали. Только умолчали о том, что было потом. Я тогда того «благодарного» курсанта с его ромашками гоняла на выезде до тех пор, пока он не начал различать сорта соцветий по запаху с закрытыми глазами. И сейчас эти умники, видимо, решили продолжить славную традицию.

Но несмотря на idiotские советы, подготовка шла полным ходом. Мы отработывали всё: как разводить костёр мокрыми руками под дождём, как ориентироваться в лесу по муравейникам и мху, как двигаться бесшумно и маскироваться

не только с помощью магии. Они уже не роптали, а впитывали, как губки.

В один из таких вечеров, когда взвод, промокший и уставший, брел с тактических занятий, мы проходили мимо третьего курса, который как раз возвращался со стрельбища.

– Эй, первогодки! – крикнул тот самый «кот» со шрамом, уже отмывший карабины. – Цветочки для мамочки уже заказали?

Его товарищи захихикали. Мои пацаны замерли, не зная, как реагировать. Я остановилась и медленно повернулась к старшекурсникам.

– Курсант Зимин, – сказала я тихо. – Я вижу, вы не только флорист, но и певун. Прекрасно. Командование как раз озабочено подъёмом боевого духа. Завтра перед построением Вы лично исполните для всего батальона гимн Академии. Без фонограммы. Думаю, Ваш голос всех воодушевит.

Лицо Зимина вытянулось. По строю его товарищей пробежал сдержанный смешок.

– А если стесняетесь, – добавила я, – то всегда можете выбрать альтернативную нагрузку. Например, проползти пластунским ходом периметр плаца с букетом астр в зубах. В качестве тренировки перед нашими общими учениями.

Наступила мёртвая тишина. Мои первокурсники вдруг выпрямили спины. А старшекурсники, пробормотав: «Так точно, товарищ сержант», поспешили ретироваться.

Я посмотрела на свой взвод.

– Видите? Даже у самых усатых и бородатых свои слабости есть. На учениях помните об этом. Всякого такого «Зимина» можно поставить на место не только кулаком, но и парой верных слов. Если, конечно, ваши головы будут работать быстрее, чем языки. Вольно, на ужин.

Они пошли, и на этот раз в их усталой походке была уже не просто покорность судьбе, а нечто новое – уверенность. Они знали, что «мамочка» не даст их в обиду не только зверю, но и старшекурсникам. А это было лучшей подготовкой к октябрю. Они учились держать удар – любой. И потихоньку начинали понимать, что такое настоящее братство. Чего я и добивалась.

Глава 6. Полевая практика.

Тера Ева.

За неделю до учений плац превратился в гигантскую выставку снаряжения. Я выстроила взвод, а перед ними на брезенте разложила всё, что полагалось брать с собой в северный сектор и кое-что сверх того.

– Смотрим и запоминаем, – внушительно начала я. – Ваш рюкзак – это ваш дом, аптека и оружейная на трое суток. Каждая вещь в нём должна иметь минимум две функции.

Я взяла стандартный армейский паёк.

– Консерва гречневая с говядиной. Калории, сытность. А банка? – Я показала на жестяную ёмкость. – Пустая банка – это кружка, ёмкость для кипячения воды, сигнальное зеркало. Выбрасываешь банку – лишаешь себя трёх инструментов. Понятно?

– Так точно! – хором отозвался взвод.

Дальше пошла аптечка. Я вытряхнула её содержимое на брезент.

– Йод, бинты, пластырь. Это знают все. А это? – Я подняла маленькую катушку прочных ниток и иголку.

– Ремонт снаряжения? – неуверенно предположил кто-то.

– В том числе. Но в первую очередь – извлекать занозы и сшивать рваные раны, если до медика с его магией десятки километров. А это? – Я ткнула пальцем в упаковку гигиени-

ческих прокладок.

В строю пробежал смущённый смешок.

– Ну, для девушек...

– Для крови, идиоты! – оборвала я. – Это лучший кровоостанавливающий материал! Стерильный, гигроскопичный. Забудьте, для чего их рекламируют. Запомните, что они спасают жизнь при ранении. И никогда не смейтесь над этим в своём снаряжении.

Затем настал черёд портянок.

– Носки – для города. Портянки – для войны. Они лучше впитывают влагу, их можно развернуть и просушить у костра, в них меньше шансов стереть ногу в кровь, если вы, конечно, умеете их наматывать.

Я села на ящик, сняла ботинок и на глазах у изумлённого взвода продемонстрировала неспешный, отточенный ритуал: как разложить квадрат ткани, как обернуть ступню, чтобы не было ни единой складки, как зафиксировать края. Они повторяли, пытаясь от натуги, а я ходила между ними и поправляла.

– Васильев! Эта складка к вечеру натрёт тебе ногу до мяса. Хочешь идти в атаку, хромая? Перематывай!

Наконец настал день Икс. Грузовики, подпрыгивая на ухабах, довели нас до глухой опушки и высадили в двадцати километрах от лагеря. Воздух был холодным и влажным,

пахло хвоей, прелыми листьями и надвигающимся дождём. Я наблюдала, как они, получив последние наставления, проверили компасы и застёгивали рюкзаки. Взгляды – собранные, но в них читался азарт.

– Курсант Новиков, Вы – ведущий. Ваша группа начинает движение по маршруту. Напоминаю: противник где-то там. Маскировка, тишина и внимание. На связь выходим только в экстренной ситуации. Вперёд.

Они растворились в лесной чаще, как и положено, – бесшумно, оставляя минимум следов. Я шла на почтительной дистанции, оставаясь невидимой тенью, наблюдая, прислушиваясь.

Первые часы прошли идеально. Они чётко следовали карте, вовремя меняли направление, но долго тихо в компании двадцати молодых парней быть не может. Вскоре я стала свидетельницей их «боевых» будней.

Из наблюдений сержанта Громовой:

Эпизод первый: Великий спор о мхе.

Курсант Сидоров, наш главный «ботаник», с важным видом тыкал пальцем в кору деревьев.

– Я же говорил, мох растёт с северной стороны! Значит, нам налево!

– Ага, а ветер-то с запада! – парировал Новиков, тыча в карту. – И рельеф тут не сходится! Ты нас к обрыву ведёшь,

теоретик!

– Я теорию на «отлично» знаю!

– А я в лесу с дедом за грибами ходил! Доверяй, но проверяй компасом, умник!

Они проспорили пять минут, пока не сообразили сверить оба признака с компасом. Оказалось, прав Новиков. Сидоров угостил его своим чаем из термоса в знак примирения.

Эпизод второй: Ночной переполох.

Ночью, на первой стоянке, я услышала приглушённый визг и шорох. Подкралась ближе. Курсант Ковалёв, стоя на вахте, с выпученными глазами пялился в темноту.

– Там... что-то большое, – прошептал он своему напарнику, Петрову. – Шуршит...

Петров, героически преодолевая дрожь в коленках, швырнул в сторону шороха еловую шишку.

Из кустов с недовольным фырканьем вылез дикобраз. Самый обыкновенный. Он смерил пацанов презрительным взглядом и неспешно удалился. Утром Ковалёв с гордостью рассказывал всем, как отбил атаку «колючего монстра».

Эпизод третий: Кулинарный эксперимент.

На привале Васильев, наш главный гурман, решил не просто разогреть паёк, а «улучшить» его, добавив собранных лесных трав. Через пятнадцать минут он сидел над своей кашей с зелёным оттенком лица и несчастным видом.

– На вкус как жжёная резина с хвоей, – доложил он Новикову.

– Молодец, Васильев, – ответил тот. – Теперь ты знаешь, какие травы НЕ нужно собирать для выживания. Доедай. Выбрасывать еду – преступление.

Я наблюдала за всем этим из своей засады, изредка позволяя уголку рта дрогнуть. Они учились. Не только ориентироваться и маскироваться, но и спорить, мириться, делиться и брать на себя ответственность. Они потихоньку переставали быть сборищем эгоистов, превращаясь в единый организм.

Но лес испытывал их не только смешными ситуациями. На второй день, ближе к вечеру, пришла пора для настоящего испытания. Они подошли к мелководной, но быстрой и холодной речке. Русло было усыпано скользкими, замшелыми валунами.

– Так, переправляемся по камням! – скомандовал Новиков. – По одному, страхуем друг друга!

Они двинулись, осторожно перебираясь с камня на камень. Всё шло по плану, пока один из замыкающих, тихий и неловкий курсант Шукин, не оступился. Раздался короткий вскрик, громкий всплеск, и стремительное течение унесло его фигуру за поворот.

На мгновение в отряде повисла ошеломлённая тишина, нарушаемая лишь журчанием воды. Потом всё завертелось.

– Шукин! – закричал Новиков.

– Смотрите, его рюкзак всплыл!

– Быстро вдоль берега! Бежим!

Они, забыв о маскировке и тишине, бросились бежать по берегу. Я, оставаясь в тени деревьев, сжала кулаки. Мой внутренний инструктор кричал: «Всё правильно! Действуйте!». Но что-то в глубине души ёкнуло от страха. Это был тот самый момент истины, ради которого всё и затевалось. Сейчас я узнаю, чему же они на самом деле научились.

Тер Алексей Батин.

Жизнь в столице текла своим чередом – размеренно и предсказуемо. Лекс стоял у окна своей просторной, слишком чистой квартиры, наблюдая, как зажигаются вечерние огни. Город никогда по-настоящему не спал. В руке Лекс держал недопитый кофе. Холодный, как и большая часть его быта.

Всё было «нормально». Лекции в Магической академии проходили без происшествий. Студенты – способные, хоть и изнеженные. Коллеги – вежливые. Даже встреча с Романом в парке вечером не развеяла странное, гнетущее чувство, что он находится не на своём месте.

– Ну что, Лекс, решил всё-таки написать заявление на отпуск? – подначивал Рома. Он давно заметил, что с его неунывающим другом творится неладное. Его что-то гложет изнутри, и началось это ровно после того дня, когда он женился,

вернулся мрачнее тучи и на все расспросы буркнул, что всё идеально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.